

Марио Пьюзо

Омерта

Москва
2021

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
П96

Mario Puzo
OMERTA

Copyright © 2000 by Mario Puzo

Пьюзо, Марио.

П96 Омерта / Марио Пьюзо ; [перевод с английского В. А. Вебера]. — Москва : Эксмо, 2021. — 384 с. — (Марио Пьюзо. От автора «Крестного отца»).

ISBN 978-5-04-122679-4

Роман знаменитого писателя Марио Пьюзо «Омерта» завершает культовую сагу «Крестный отец», новую историю межклановых войн итальянской мафии в Америке.

После смерти великого сицилийского мафиозо дона Винченцо Дзено, его малолетний сын Асторре перебрался в Нью-Йорк. Там его вырастил и воспитал ближайший помощник отца, Раймонде Априле. А когда того убили враги, Асторре стал защитником его семьи, состояния и интересов. Следуя кодексу чести мафии — омерте, он объявил месть убийцам дона Раймонде, безжалостную и неотвратимую. Асторре — не сторонник жестокости, но сейчас компромисса нет и быть не может. Ибо для каждого сицилийца омерта священна...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Вебер В.А., перевод на русский язык,
2018

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-122679-4

Посвящается Ивелин Мерфи

«Омерта: сицилианский кодекс чести, запрещающий сообщать кому-либо о преступлениях, которые могли совершить люди, вызвавшие подозрения».

Энциклопедический словарь

ПРОЛОГ 1967

В сложенном из грубого камня доме в деревне Каstellламаре-дель-Гольфо, расположенной на Средиземноморском побережье Сицилии, умирал великий дон мафии. Винченцо Дзено, человека чести, всю жизнь любили и уважали за справедливость и непредвзятость решений, помощь, которую он оказывал нуждающимся в ней, и беспощадность к тем, кто посмел пойти против его воли.

Рядом с ним сидели три его бывших соратника, каждому из которых он помог добиться власти и высокого положения: Раймонде Априле, обосновавшийся в Нью-Йорке, но не порвавший с Сицилией, Октавий Бьянко из Палермо и Бенито Кракси из Чикаго.

Дон Дзено был последним из истинных вождей мафии, всю жизнь неукоснительно соблюдавшим ее традиции. Он имел свою долю во всех деловых предприятиях, но только не в торговле наркотиками, проституции и прочих противозаконных деяниях. Бедняк, пришедший в его дом за деньгами, никогда не уходил с пустыми руками. Он выправлял несправедливости закона: верховный судья Сицилии мог выносить свои решения, но если правда была на стороне проигравшего, дон Дзено накладывал вето на это решение, благо для этого у него были и воля, и средства.

Ни один любвеобильный молодчик не бросал соблазненную им дочь самого бедного крестьянина, если дон Дзено разобъяснял ему преимущества освященного церковью брачного союза. Ни один банк не смел забрать землю не вернувшего кредит фермера, если не было на то согласия дона Дзено. Ни один юноша, жаждущий получить образование, не оставался за воротами университета из-за отсутствия денег на обучение. Если они принадлежали к его *cosca*, его клану, их мечты становились реальностью. Законы, принимаемые в Риме, не учитывали традиций Сицилии, а потому не имели силы; дон Дзено брал над ними верх любой ценой.

Но дону перевалило за восемьдесят, и в последние годы его власть начала слабеть. Он проявил слабость, женившись на юной красавице, которая родила ему славного мальчугана. И старик, понимая, что конец близок, а без него *cosca* подвергнется сильному давлению со стороны более могущественных кланов Корлеоне и Клерикуччо, тревожился о будущем сына.

Он поблагодарил трех своих друзей за проявленное к нему уважение: они проехали немало миль, откликнувшись на его просьбу. А потом высказал им свое желание. Дон хотел, чтобы его сына Асторре увезли в безопасное место и воспитали в традициях чести, которым его отец следовал всю свою жизнь.

— Я смогу умереть с чистой совестью, — сказал дон, хотя его друзья знали, что за долгую жизнь он приговорил к смерти сотни людей, — если буду уверен в безопасности моего сына. Ибо в этом двухлетнем мальчонке я уже вижу душу и сердце настоящего мафиозо. Ныне это большая редкость.

Он добавил, что хочет выбрать одного из них в опекуны ребенку и успешное выполнение этого ответственного поручения в будущем будет с лихвой вознаграждено.

— Как странно. — Взгляд дона Дзено затуманился. — Согласно традициям истинным мафиозо является первый сын. Но со мной все вышло иначе. Только на восьмидесятом году жизни моя мечта стала явью. Человек я несусеверный, но если бы был таким, мог бы поверить, что в этом ребенке дух самой Сицилии. Глаза у него такие же зеленые, как оливки, растущие на моих лучших деревьях. И натура сицилийская — романтическая, музыкальная, широкая. Но при этом обиды он не забывает, несмотря на столь юный возраст. Сейчас, однако, он нуждается в защите.

— И вы хотите, чтобы мы ее обеспечили, дон Дзено? — спросил Кракси. — Я с радостью возьму вашего сына в свой дом и воспитаю, как собственного.

Бьянко бросил на него негодующий взгляд.

— Я знаю мальчика с рождения. Он мне уже как сын. Я воспитаю его в своем доме.

Раймонде Априле молча смотрел на дона Дзено.

— А ты, Раймонде? — спросил дон.

— Если вы выберете меня, ваш сын станет моим сыном, — ответил тот.

Дон задумался, все трое были достойными людьми. В Кракси он ценил ум. Бьянко был самым честолюбивым и могущественным. Априле, очень сдержанный, в вопросах чести всегда придерживался той же позиции, что и дон. И не знал жалости.

Дон Дзено, даже умирая, понимал, что опека над его сыном больше всего нужна Раймонде Априле. Он больше всех выигрывал от любви ребенка, и он, безусловно,

мог научить его сына, как выжить в этом предательском мире.

Дон Дзено долго молчал, прежде чем вынести окончательное решение.

— Раймонде, ты будешь ему отцом. А я смогу уйти с миром.

* * *

Хоронили дона, как императора. Засвидетельствовать свое почтение прибыли главы всех сицилийских семей, министры из Рима, владельцы крупнейших латифундий и, конечно же, сотни членов обширного клана Дзено. И двухлетний Асторре Дзено, одетый во все черное, с горящими глазами, восседал на черном, запряженном лошадьми катафалке, словно римский император.

Службу отслужил кардинал Палермо.

— В болезни и полном здравии, в радости и горе мы все знали, что дон Дзено всегда оставался нашим верным другом, — такими словами закончил он свою речь, а потом процитировал последние слова дона: — «Я вверяю себя Богу. Он простит мои грехи, ибо каждый день своей жизни я старался прожить по справедливости».

После похорон Раймонде Априле увез Асторре Дзено в Америку, где мальчик стал полноправным членом его семьи.

ГЛАВА 1

Когда братья Стурцо, Фрэнки и Стейс свернули на подъездную дорожку дома Хескоу, они увидели четверых очень высоких подростков, играющих в баскетбол в маленьком дворике. Едва Фрэнки и Стейс вылезли из огромного «Бьюика», им навстречу вышел Джон Хескоу, высокий, широкоплечий, с обширной лысиной, окруженной венчиком волос, и маленькими поблескивающими синими глазками.

— Как вовремя я вышел из дома! — воскликнул Хескоу. — Аккурат чтобы встретить дорогих гостей.

Игра приостановилась.

— Это мой сын Джоко! — гордо представил Хескоу самого высокого из подростков.

Джоко протянул громадную лапищу Фрэнки.

— Слушай, а сыграй с нами? — предложил тот.

Джоко оглядел гостей. Шесть футов роста, крепкие, подтянутые. В рубашках от Ральфа Лорена, красной и зеленой, брюках, кроссовках. Добродушные, симпатичные. Он решил, что им чуть больше сорока.

— Почему нет? — Джоко улыбнулся.

Стейс ответил ему ослепительной улыбкой.

— Вот здорово! Мы проехали три тысячи миль, и нам надо поразмяться.

Джоко повернулся к своим приятелям, самую малость уступающим ему в росте.

— Я возьму их к себе против вас троих. — Играл он лучше остальных, вот и решил, что даст друзьям отца шанс на победу.

— Вы только не усердствуйте. — Джон Хескоу повернулся к приятелям сына. — Они уже старички, так что им трудно угнаться за вами.

Стоял декабрь, воздух паром вырывался изо рта. Блеклое зимнее солнце отражалось от стеклянной крыши и стен цветочных теплиц Хескоу: торговля цветами служила ширмой его основному занятию.

Молодые приятели Джоко начали расслабленно, не ожидая серьезного сопротивления. Но их ждал сюрприз: Фрэнки и Стейс без труда проскакивали мимо них, чисто выходя на кольцо. Джоко оставался не у дел: мяч ему не давали.

Молодежь попыталась использовать преимущество в росте, но старички на удивление легко блокировали их броски. Наконец один из юношей вышел из себя и встретил проход Фрэнки выставленным локтем. А в следующее мгновение оказался на земле. Джоко так и не понял, как это случилось. Зато Стейс стукнул мячом братца по голове со словами: «Хватит, играть надо». Фрэнки помог парню встать, похлопал по заду, сказал: «Слушай, я извиняюсь». Игра продолжалась еще пять минут, но потом «старички» выдохлись и молодежь могла брать их голыми руками. Так что Фрэнки и Стейс решили, что на сегодня баскетбола хватит.

Хескоу принес всем по стакану лимонада, и подростки окружили Фрэнки, который обладал харизмой и иногда действовал на площадке как заправский профессионал.

Фрэнки обнял парня, которого сшиб с ног, обаятельно улыбнулся ему.

— Прислушайтесь к советам старичка. Никогда не ведите мяч перед тем, как отдать пас. Никогда не прекращайте борьбы, даже если вы отстаєте на двадцать очков. И никогда не встречайтесь с женщиной, у которой больше одной кошки.

Подростки рассмеялись.

Фрэнки и Стейс пожали руки каждому, поблагодарили за игру и следом за Хескоу вошли в нарядный, выкрашенный зеленой краской дом.

— Эй, а вы отлично играете! — крикнул им вслед Джоко.

В доме Джон Хескоу сразу отвел братьев наверх, в отведенную им комнату. С тяжелой дверью и очень хорошим замком. Братья это заметили, когда Хескоу, переступив порог, закрыл за собой дверь.

В просторной комнате с примыкающей к ней ванной стояли две односпальные кровати (Хескоу знал, что братья любят спать в одной комнате) и громадный сундук, окованный металлическими полосами, с тяжелым висячим замком. Хескоу достал ключ, открыл замок, откинул крышку, выставив напоказ несколько пистолетов, автоматических винтовок, коробок с патронами.

— Пойдет? — спросил он.

— Глушителей нет, — отметил Фрэнки.

— В этом деле глушители вам не понадобятся.

— Это хорошо, — кивнул Стейс. — Ненавижу глушители. Ни в кого не могу попасть с глушителем.

— Ладно, вы, парни, принимайте душ, устраивайтесь, а я разгону молодежь и приготовлю ужин. Как вам мой мальчик?

— Отличный парень, — ответил Фрэнки.

— Вам понравилось, как он играет? — Хескоу аж покраснел от гордости за сына.

— Лучше всех.

— Стейс, а ты как думаешь? — повернулся Хескоу ко второму брату.

— Могу только согласиться.

— Ему предлагают спортивную стипендию в Вилланове¹. Оттуда прямой путь в НБА.

* * *

Когда братья спустились вниз, Хескоу уже ждал их в столовой. Он приготовил мясо с грибами и огромную миску зеленого салата. На столе, накрытом на троих, стояла бутылка красного вина.

Стурцо и Хескоу сели за стол. Давние друзья, они многое знали о прошлом друг друга. Хескоу развелся тринадцать лет тому назад. Его бывшая жена и сын жили в паре миль к западу, в Бабилоне. Но Джоко частенько бывал у отца, который уделял сыну очень много времени.

— Вроде бы вы собирались приехать завтра утром, — заметил Хескоу. — Если б я знал, что вы приедете сегодня, то попросил бы парня не заглядывать ко мне. А когда вы позвонили, я уже не мог их выпроводить.

— Все нормально, — заверил его Фрэнки. — Они нам не помешали.

— А вы здорово с ними смотрелись, — Хескоу улыбнулся. — У вас не было желания податься в профессионалы?

¹ *Вилланова* — частный университет в Пенсильвании, основан в 1842 г.

— Нет, — мотнул головой Стейс. — Мы слишком маленькие, всего шесть футов. Великаны нам не по зубам.

— Только не произноси таких слов в присутствии моего сына! — в притворном ужасе воскликнул Хескоу. — Ему с ними играть.

— Никогда, — ответил Стейс. — Можешь не беспокоиться.

Хескоу отпил вина. Ему нравилось работать с братьями Стурцо. Такие веселые парни, не то что та шваль, с которой обычно приходилось иметь дело. Они прекрасно ладили с окружающим их миром, а прежде всего — друг с другом. От них так и веяло уверенностью и в себе, и в завтрашнем дне.

Все трое ели медленно, не торопясь. Тарелки Хескоу наполнял прямо из сковородки.

— Я давно уже хотел тебя спросить. — Фрэнки повернулся к Хескоу. — Почему ты поменял фамилию?

— С тех пор много воды утекло, — вздохнул Хескоу. — Я не стыдился того, что я — итальянец. Но беда в том, что выглядел я как гребаный немец. Светлые волосы, синие глаза, нос картошкой. Не вязалась моя внешность с итальянской фамилией.

Близнецы добродушно рассмеялись. Они знали, что он вешает им лапшу (точнее, спагетти) на уши, но ничего не имели против.

Когда они покончили с салатом, Хескоу налил всем кофе, поставил на стол тарелку с итальянскими пирожными. Предложил сигары, но братья отказались, предпочтя «Мальборо». Сигареты больше подходили к их загорелым, иссеченным ветром западным лицам.

— Пора переходить к делу. — Стейс выпустил струю дыма. — Должно быть, оно серьезное, раз уж нам при-